

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 85–90. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 85–90. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN SYSYVO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90>

ОБРАЗ ДАЧИ В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА «НА ПЕНЬКАХ»

Каскина Юлия Узакбаевна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, kaskina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

Аннотация. «На пеньках (рассказ бывшего человека)» написан И.С. Шмелевым в 1924 г. во французских Ландах. В статье впервые с помощью дачного топоса в указанном рассказе прослежена трансформация образа профессорской дачи, которая из райского уголка превратилась в ад воспоминаний. Эти изменения подтверждают правомерность толкования дачного/усадебного топоса как утраченного рая и чрезвычайную продуктивность его использования при анализе художественного произведения. Автор статьи подробно анализирует «дачную» главу рассказа, показывает важную хронологию ее построения. Особенное внимание в работе уделяется Божественному началу и его воплощению в рассказе, противопоставлению и сопоставлению Родины и чужбины. Отмечаются взгляды исследователей на сюжетные решения и фигуры рассказа Шмелева, новаторство толкования произведения с использованием усадебной и дачной тематики.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, образ дачи, дачный топос, усадебный топос, соловьи, Родина, чужбина.

Для цитирования: Каскина Ю.У. Образ дачи в рассказе И.С. Шмелева «На пеньках» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 85–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90>

Research Article

THE IMAGE OF THE DACHA IN THE SHORT STORY “ON THE STUMPS” BY IVAN SHMELYOV

Yulia U. Kaskina, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kaskina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

Abstract. “On the Stumps (The Story of a Former Man)” was written by Ivan Shmelyov in 1924 in Landes of France. In the article, for the first time, with the help of the dacha topos in this story, the transformation of professor’s dacha has been traced, which turned from a corner of paradise into a hell of memories. These changes confirm the legitimacy of the interpretation of the dacha/estate topos as a lost paradise and the extraordinary productivity of its use in the analysis of a work of art. The author of the article analyses in detail the “dacha” chapter of the story, shows the important chronology of its construction. Particular attention in the work is paid to the divine principle and its embodiment in the short story, opposition and comparison of the Motherland and foreign land. The views of researchers on the plot decisions and figures of this short story are noted, the innovation of the interpretation of the work using the estate and country themes is noted.

Keywords: Ivan Shmelyov, dacha image, dacha topos, manor topos, nightingales, Motherland, foreign land.

For citation: Kaskina Y.U. The image of the dacha in the short story “On the Stumps” by Ivan Shmelyov. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 85–90 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90>

Восходящий к усадебному дачный топос, столь значимый в русской литературе, в настоящее время активно разрабатывается научным коллективом под руководством О.А. Богдановой [Богданова; Русская усадьба и Европа; Усадьба реальная – усадьба литературная]. Указывая «Историческую поэтику» А.Н. Веселовского как «предтечу учения о топосах» [Веселовский], исследователи изучают вышеназванные категории, с помощью которых, как справедливо ими утверждается, художественное произведение «вовлекается в общее многовековое культурное поле народа или человечества» [Богданова: 15].

Дача как форма загородного владения, летнего проживания впервые появилась в русской жизни значительно позже усадьбы. Теоретически этот феномен описан англичанином Стивеном Ловеллом в начале XXI в. Дачный и усадебный топосы имеют, конечно, значительные различия. Но генетически, как показывает анализ отдельных художественных произведений, они тесно связаны и закономерно дачный топос наследует главные особенности усадебного.

С. Ловелл отмечает «культурную значимость» дачи и пишет: «Дача была не просто местом, а образом жизни» [Ловелл: 102]. Добавим, что она была еще и местом отдыха, единения с природой, общения с родными, друзьями, коллегами. Важная в рассказе Шмелева «разомкнутость» дачи к окружающей территории, включающей лес, овраги, болотца, расширяет и литературное пространство, что также соответствует теоретическому осмыслению дачного топоса [Богданова: 73–75].

«На пеньках (рассказ бывшего человека)» написан И.С. Шмелевым в 1924 г. во французских Ландах. Пожилой профессор, сидя на берегу океана, вспоминает обо всем произошедшем на его родине в России за последние семь лет. Он рассказывает, как по дороге на дачу, где он жил «один как перст» «с мая и до морозов», присел отдохнуть и вдруг именно там, на пеньках, осознал свое пограничное человеческое достоинство и решил уехать за границу. Уехать, чтобы выжить не только физически, но и духовно.

К этому рассказу не раз обращались шмелеведы. О.Н. Сорокина отмечала, что с этим рассказом «входит в творчество Шмелева тема эмигрантской России» [Сорокина: 189]. Л.А. Спиридонова видела в нем отражение углубившегося в эмиграции «духовного кризиса» писателя [Спиридонова: 87]. Н.М. Солнцева писала о «критичности» автора к своей «ранней романтичности» [Солнцева: 188], имея в виду, по всей вероятности, революционные увлечения юности. Но в заявленном ракурсе рассказ анализируется впервые. Интересно, что дачный топос в рассказе предельно локализован. Фактически он занимает одну главу, четвертую из одиннадцати, которая построена хронологически.

Когда-то жена героя настояла на приобретении дачи, и в прошлом все было светло и радостно – приезжала молодежь, племянники с товарищами, студенты, ученики. В описываемое революционное время, разграбленная и опустевшая, дача превратилась в место печальных воспоминаний, где «солнце в крови, и гарь сгоревших надежд, и всеобщее пепелище» [Шмелев: 226]. Конец главки обращает читателя к вечности описанием природы, оврагов, соловьев.

Излюбленный, можно сказать, традиционный герой Шмелева – пожилой профессор-гуманитарий, здесь профессор истории античного искусства Феогност Александрович Мельшаев – сам дает себе характеристику: «Я... профессор?... член-корреспондент двух европейских Академий... автор ученых трудов, кавалер “почетных легионов”, знаток античных искусств, имел дипломы... производил раскопки погибших царств, умерших цивилизаций?..» [Шмелев: 221]. Вопросительные знаки в начале и в конце предложения, риторические вопросы выражают собственные сомнения в том, что это действительно так.

Один из значимых мотивов в рассказе – мотив подведения итогов – тоже очень частый в творчестве писателя¹. Из повествования – «целых шесть лет в таком гнусном чаду!» [Шмелев: 227] – вскоре становится понятно, что действие происходит в 1923 г., то есть в период становления советской власти, в самый разгар ломки старого капиталистического мира и зарождения нового, пока еще неведомого в его практическом виде мироустройства.

«С мая и до морозов я жил у себя на даче, – повествует рассказчик, – один как перст. Туда-то и тащил мешок. Раньше дачей я мало пользовался: все, бывало, – в Италию или в Грецию, конгрессы, съезды... А это жена покойная завела, для родственников и на старость. Она очень любила мягкое наше лето, грибы, цветы, соловьев» [Шмелев: 224].

Как видим, уже здесь коротким перечислительным рядом задана модель, развернувшаяся далее, во второй части этой небольшой, но очень важной в архитектонике рассказа главке, в красивое и очень значимое осмысление окружающей природы как метафизического конструкта, соединяющего человека с окружающим, его внутренний мир с миром внешним и духовным.

«Молодежь все время там хороводилась. Где теперь они все? Как-то вспоминать стал: приятели, приятельницы, крестники, племянники, Васи, Миши... Славная молодежь была! Насчитал семерых студентов-прапоров... два инженера, музыкант, летчик, приват-доцент, двое стихи писали... Теперь – один в Канаде, один в Брюсселе, шофером, в Боснии где-то, в шахтах... Прочие?... Не знаю. Погибли. Впрочем, “спецом” один заделался, роль играет, а один, который стихи писал, – в “песнопевцы” определился. А па-

триотические стихи писал! “Державиным без пяти минут” величали. Одним словом, не на дачу я шел, а – в прошлое» (выделено автором. – Ю. К.) [Шмелев: 225].

В этом описании знакомой молодежи фактически дан срез поколения, на долю которого выпали трагические испытания. Обозначено несколько путей жизни – гибель в боях Первой мировой и Гражданской войн, эмиграция, приспособленчество. Все это сказано без каких-либо оценок, просто констатируется как факт. Однако сама лексика, употребленная в кавычках, – «спецы», ироническое «песнопевец», вспомнившееся сравнение с Державиным – отражает боль и некоторую горечь разочарования.

В то же время хорошего было много. Герой вспоминает, как за ним высылали пролетку со студентом в вышитой рубахе за кучера. И пока он возился с запряжкой, профессор с наслаждением закуривал в тишине, отходил чуть в сторону: «И такая теплынь и тишь, такая лесная ласка, такой покой, будто все трудное отошло и впереди ни забот, ни цели, и не на этой земле живешь, а ангелы Божьи неслышно ходят в березках» (курсив мой. – Ю. К.) [Шмелев: 225].

Как видим, райский сад – усадебного/дачного топоса – расширяется здесь до леса, края, всего окружающего мира. С сердечной теплотой говорит герой о прежней жизни, о пытливой и честной молодежи, о своей гостеприимной даче, где летом кипела молодая жизнь, продолжались ученые разговоры.

Но это все было в прошлом. Теперь же – «дачу мою мужички порастрясли, но в двух комнатах жить было еще сносно» [Шмелев: 226]. Приходили с обысками, грабили имущество, ужасали наглостью. Вся жизнь стала каким-то нереальным ужасом, все окружающее представляется «в манере Эдгара По и самого оголтелого футуриста: и жуть, и дыр-бул-щыл!» [Шмелев: 226]. Даже солнце видится зловещим и ненужным, как «продолжение “дыр-бул-щыл”». Теперь «солнце в крови» [Шмелев: 226], и этот образ сравним с «солнцем мертвых» из знаменитого одноименного романа Шмелева (1923).

Описаны произошедшие изменения окружающего мира и человека. Леса – «другие»; дороги – «не настоящие» [Шмелев: 226]. Люди – другие – воинственные, наглые и глупые. «А какая страстная жажда амикошонства! какая наглость, с певучими голосками сводни! Блудники слова и шулера мысли, вдруг откуда-то налетевшие саранчой... Я таких не встречал на лекциях» (выделено автором. – Ю. К.) [Шмелев: 227].

Остались неизменными ландшафт и живая природа, скрытые от человека в лесной глубине – овраги, соловьи, ландыши.

Все они живописно изображены в рассказе. Отдельная песня хвалы пропета оврагам: «Один ов-

раг исстари прозывался “Соловьи”, другой – “Гулкий”. Из-за соловьев жена и место для дачи выбрала, на тычке, на гривке... Редкостное там было эхо: из Соловьина врага крикнешь – Гулкий отзовется полней и громче» [Шмелев: 228]. Любовно рассказано обо всех экспериментах и открытиях, связанных со здешней необычной акустикой – о «неземном» теноре, покрывавшем эхом из Гулкого оврага и о молодежном хоре, звучавшем капеллой, о выведенной физиком особой звуковой формуле этих мест.

«Но вот, что самое-то ужасное, – соловьи!..» [Шмелев: 228] – двусмысленное начало настоящей поэмы о соловьином пении. Поэма состоит из двух частей. Сначала красочно, звучно, с звукоподражательными неологизмами описываются соловьи из светлого прошлого. «Вообразите, что же творилось майскими зорями, когда соловьи начнут сыпать и поливать! Гулкий их растревлял. – тию... тию... ффти-у... – играют сердцем, трепетно и так страстно-нежно!..» [Шмелев: 228]

Трагические события истории в одночасье переменяли все. Разметало по миру молодежь, жена умерла, дачу наполовину экспроприировали. Профессор в «зеленых штанах-диагональ и футбольных буцах» со «склада просвещения» сам себя не узнает. Он вынужден читать лекции новой публике в новом пролетарском институте. Все это превратило и пень соловьев в «безумье»! Теперь во Франции на берегу океана ему вспоминается дорога от станции и «там, между двух оврагов, на гривке, разбитая моя дача, с черными дырками, с безумьями соловьев в ночи, с бьющимися в ней криками той жизни» [Шмелев: 221].

Когда-то столь прекрасные сладкие звуки стали истинной мукой, душевным испытанием. «И вот когда все изранено, испоганено, и уже ничего живого не осталось, и ты с твоей жизнью уже плевков растертый... – соловьи гремят неумирающим торжеством неумирающей своей жизни и неуголимой болью плещутся в твоём сердце... А оно уже на истеке, и все ушло! Пытка. Они выворачивали, перетряхивали во мне все, жалели, отпевали, жалили цвоканьем, в кровь раздирали трелями... хлестали сердце, по голове, в глаза. Я слышал милые голоса, узнавал лица, запахи... И не красота уже, не эстетика... – ад!»² [Шмелев: 228]

Очевидно, что здесь дача как образ утраченного рая, эдемского сада прямо трансформируется в совсем противоположное – в место мучительных воспоминаний, в душевный ад. Как ни пытается профессор спрятаться, уйти от тоски воспоминаний, у него ничего не получается: «Бром уже был бессилён, я трыкал уши спиртовой ватой, – кровь приливалась, гудела, я начинал пьянеть. Но и без звуков я слышал. Нет, непередаваемо, – как психоз» [Шмелев: 229].

Лишь растительное царство по-прежнему цело, цветущее, полнокровно. «Благоговеино душистые

“восковки”» [Шмелев: 225] росли на той поляне в прежней жизни, где ангелы в березках, они растут и поныне в изменившемся мире, они напоминают о прошлом, вызывают те же чувства – «а горьковатая свежесть ландышей, взрывающая в вас все – до детства!.. А дурманный запах июньских наших восковок-любок, впервые манящий страстью?! В зеленой затини, в тишине в росе... нежные, восковые, тайные, они все те же и вызывают прежние...» [Шмелев: 229]

Заканчивается «дачная» IV глава страстным желанием вновь увидеть, ощутить, вернуться в такое поэтичное, теплое, любимое, родное прошлое, вся прелесть которого, чудесность, очарование удвоены близостью к природе, дачным топосом. «Я бы и теперь хотел... – пусть терзанье! Там – каждая травка пела. А здесь... мелодия незнакомая, глухая» (выделено автором. – Ю. К.) [Шмелев: 229]. Как видим, более того, они – простые цветы родины – простым метафорическим приемом олицетворяются, они поют.

Неслучайно А.П. Черников выделял в произведении «мотив неприятия героем и автором европейского уклада жизни и морали, царящих здесь самодовольства и бездушия», а также тему «Родины и чужбины, характерную для многих его произведений 20–40-х годов» [Черников: 231]. Интересно, что противопоставлением «здесь» и «там» – Родины и чужбины, вплетенных в «соловьиный» мотив, – заканчивается весь рассказ: «Соловьев недавно слушал. Без тревоги. И трель слаба и коротка, и страсти нет той, и замиранье не выходит. Нет и посвиста раздольного, и поцелуйного разлива. Наши здесь не живут... остались там. Пустым оврагам поют по зорям» [Шмелев: 256].

Об особом внимании критиков к рассказу «На пенях» писала Л.Ю. Суrowова. Ностальгическое настроение в конце «дачной» главы объясняется ею так: «Бежав из России в Европу, профессор не обнаружил и здесь людей с душой, и здесь та же пустыня, только не “большевистская”, а “культурная”» [Суrowова: 436]. На предостережения шмелевского героя о рано или поздно предстоящей гибели безжалостной западной цивилизации и культуры Ю. Айхенвальд возразил: «Культура неодолима. ...Культура – как природа: гони ее в дверь, она влетает в окно» (цит. по: [Суrowова: 437]). Это сравнение ценно для нас тем, что, как мы видели, и природа – овраги, соловьи, ландыши, восковки – неодолима, она все та же.

По словам исследовательницы, «остроту и своевременность “На пенях” уловили немцы. Артур Лютер, переведивший этот рассказ, попытался предостеречь своих соотечественников от надвигавшейся на них катастрофы... Потеря шмелевским профессором своего человеческого достоинства тонко прочувствована Лютером как забвение Бога, как утрата божественного начала» [Суrowова: 437]. «Божественное

начало» мы, в свою очередь, выявили, обратившись к дачному топосу, в свете которого проследили внутренние и внешние изменения в жизни профессора и его мировосприятии. Именно дачный топос – категория, включающая в себя образ дачи, воспоминания, навеянные ею, – с одной стороны, послужили катализатором для принятия профессором важного решения. Он смог воспрять духом, вновь осознать себя одухотворенным, ответственным, деятельным человеком и принять вынужденное, но спасительное решение уехать за рубеж. С другой стороны, даже в эмиграции дача, весь природный комплекс вокруг нее остались навсегда желанным и притягательным уголком родины, спасительным воспоминанием.

Прослеженная нами трансформация дачи в сознании главного героя от райского уголка («ангелы Божьи неслышно ходят в березках») до ада («и не красота уже, не эстетика... – ад!») еще раз подтверждает правомерность толкования дачного/усадебного топоса как утраченного рая [Богданова; Дмитриева, Купцова] и чрезвычайную продуктивность его использования при анализе художественного произведения.

Очевидно, что даче в рассказе присущи устойчивые типологические черты восходящего к усадебному дачному топосу конца XIX – начала XX века – живописное местоположение, овраги, речка, лес. А также функциональное сходство: и дача, и усадьба – это место летнего отдыха, приятного общения с разнообразными людьми, наслаждения природой.

В то же время весь драматизм исторического периода 1920-х гг., отразившийся и на этом отдельно взятом «кусочке рая»³, приводит к означенной выше трансформации – как вполне материалистической, так и метафизической. Это неизменно открывает новые грани дачного топоса, расширяет само понятие, а также углубляет содержательный анализ текста.

Примечания

¹ Мотив подведения итогов прослежен в статье «Идеи Ф.М. Достоевского в рассказе И.С. Шмелева “Записки не писателя”» [Каскина 2015] и в разделе «Почему так случилось» (1945) третьей главы нашей монографии [Каскина 2019].

² Этот отрывок Я.О. Дзыга цитирует для подтверждения своих исследовательских рассуждений. Основываясь на шмелевском подзаголовке, она усматривает «перекличку концептуальных мотивов» с горьковским рассказом «Бывшие люди» (1897). Она «спорит» с ницшеанскими идеями Горького и обитателей ночлежки; полагает, что ход мысли профессора, обличающего бездуховность Европы, связан с отрицанием философии Ницше и был инициирован «трелями соловьев». Она пишет: «Здесь и боль о торжестве права сильного, и трезвое понимание свободы, и резкое неприятие эстетического, внемомо»

рального оправдания мира. Последнее открылось герою майскими зорями вместе с гулками трелями соловьев: “И вот когда все изранено <...> ад!”» [Дзыга: 229], что представляется нам неоправданным усложнением.

³ Отсылка к поэме А. Блока «Возмездие» (1921):

В то время земли пустовали
Дворянские – и маклаки
Их за бесценок продавали,
Но начисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий
За грош купили уголь рая
Неподалеку от Москвы» [Блок: 64].

Список литературы

- Блок А.А. Возмездие // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. Москва: Наука, 1999. С. 21–73.
- Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Топика. Динамика. Мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 1989. 405 с.
- Дзыга Я.О. Творчество И.С. Шмелева в контексте традиций русской литературы. Москва: БУКИ ВЕДИ, 2013. 348 с.
- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мира: утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2008. 524 с.
- Каскина Ю.У. Идеи Ф.М. Достоевского в рассказе И.С. Шмелева «Записки не писателя» // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 373–381.
- Каскина Ю.У. И.С. Шмелёв и русская классика XIX века: И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 160 с.
- Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семенович. Санкт-Петербург: Академический проект: Изд-во ДНК, 2008. 347 с.
- Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с.
- Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. Москва: Эллис Лак, 2007. 512 с.
- Сорокина О.Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. Москва: Московский рабочий, 2000. 408 с.
- Спиридонова Л.А. Художественный мир И.С. Шмелева. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.
- Суровова Л.Ю. Иван Шмелев // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков. Т. 1, кн. 1. Москва: ИМЛИ РАН, 2016. С. 394–482.

Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с.

Черников А.П. Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга: Калужский областной университет усовершенствования учителей, 1995. 342 с.

Шмелев И.С. На пеньках (Рассказ бывшего человека) // Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Москва: Русская книга. 2001. С. 217–256.

References

- Blok A.A. *Vozmezdje* [Retribution]. *Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 volumes], vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 21-73. (In Russ.)
- Bogdanova O.A. *Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX-XXI vv. Topika. Dinamika. Mifologija* [Manor and cottage in Russian literature XIX–XXI centuries. Topic. Dynamics. Mythology]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 288 p. (In Russ.)
- Chernikov A.P. *Proza I.S. Shmeleva. Konceptcija mira i cheloveka* [Shmelev's prose. Conception of world and human]. Kaluga, Kaluzhskij oblastnoj universitet usovershenstvovaniya uchitelej Publ., 1995, 342 p. (In Russ.)
- Dzyga Ja.O. *Tvorchestvo I.S. Shmeleva v kontekste tradicij russkoj literatury* [Shmelev's creativity in the context of the traditions of Russian literature]. Moscow, BUKI VEDI Publ., 2013, 348 p. (In Russ.)
- Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. *Zhizn' usadebnogo mira: utrachennyj i obretennyj raj* [The Life of the Manor world: Paradise lost and Found]. Moscow, OGI Publ., 2008, 528 p. (In Russ.)
- Kaskina Yu.U. *Ideji F.M. Dostoevskogo v rasskaze I.S. Shmeleva "Zapiski ne pisatelja"* [Dostoevsky ideas in Shmelev's story "Not-writer's notes"]. *I.S. Shmelev i problemy nacional'nogo samosoznanija (tradicii i novatorstvo)* [I.S. Shmelev and problems of national self-awareness]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, pp. 373-381. (In Russ.)
- Kaskina Yu.U. *I.S. Shmelev i russkaya klassika XIX veka: I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevskij* [I.S. Shmelev and Russian Classics of the 19th Century: I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevsky]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 160 p. (In Russ.)
- Lovell S. *Dachniki: istorija letnego zhit'ja v Rossii, 1710-2000* [Summer residents: the History of summer life in Russia, 1700-2000]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., DNK Publ., 2008, 347 p. (In Russ.)
- Russkaja usad'ba i Evropa: diahronija, nostalgija, universalizm* [Russian Manor and Europe: diachrony, nostalgia, universalism]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, 352 p. (In Russ.)
- Solnceva N.M. *Ivan Shmel'jov. Zhizn' i tvorcestvo* [Ivan Shmelev. Life and creativity]. Moscow, Ellis Luck Publ., 2007, 512 p. (In Russ.)

Sorokina O.N. *Moskoviana. Zhizn' i tvorcestvo Ivana Shmeljova* [Moscovian. Life and work of Ivan Shmelev]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 2000, 408 p. (In Russ.)

Spiridonova L.A. *Hudozhestvennyj mir I.S. Shmeljova* [Art world of I.S. Shmelev]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, 240 p. (In Russ.)

Surovova L.Ju. *Ivan Shmeljov* [Ivan Shmelev]. *Russkaja literatura 1920–1930-h godov. Portrety prozaikov. T. 1, kn. 1* [Russian literature of the 1920–1930s. Portraits of prose writers, vol. 1, book 1]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 1, iss. 1, pp. 394–482. (In Russ.)

Usad'ba real'naja – usad'ba literaturnaja: vektory tvorcheskogo preobrazhenija [Manor real – manor lite-

rary: vectors of creative transformation]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021, 384 p. (In Russ.)

Shmelev I.S. *Na pen'kah (Rasskaz byvshego cheloveka)* [On the stumps (The story of a former man)]. *Shmel'ev I.S. Sobranie sochinenii: v 5 t. Vol. 2* [Collected works, in 5 volumes, vol. 2]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2001, pp. 217–256. (In Russ.)

Veselovskij A.N. *Istoricheskaja pojetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1989, 405 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 04.09.2023.